

ЗНАЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

© 2012 А.А. Павлушина, Е.В. Блинова*

Ключевые слова: европейские стандарты, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, международное право, механизм “имплементации”, судебные акты, прецеденты толкования, Европейский суд, нормы права, стандарты отправления правосудия.

Вступление России в европейское сотрудничество на правах полноправного членства повлекло необходимость учета норм международного права в национальном законодательстве. Имплементация норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российскую правовую систему предполагает внедрение европейских стандартов прав человека в национальное материальное и процессуальное законодательство, использование данных стандартов в качестве ориентира корректировки правоприменительной деятельности на внутригосударственном уровне, принятие мер по организации механизма их учета, а также совершенствование доктрины по вопросам обеспечения прав и свобод человека.

Начало процесса реформирования российской правовой системы в направлении международных и европейских стандартов в области защиты прав и свобод человека, развития правового статуса человека и гражданина в России, пришедшееся на 90-е гг. XX в., связывается, в том числе, с процессом вступления страны в Совет Европы¹. Следует отметить, что в своем заключении от 25.01.1996 № 193 по заявке Российской Федерации Парламентская Ассамблея Совета Европы назвала в качестве одного из условий-рекомендаций принятия в данную организацию приведение российского законодательства в соответствие с европейскими нормами. Таким образом, вступление России в европейское сотрудничество на правах полноправного членства повлекло необходимость учета норм международного права в национальном законодательстве².

В указанный период Российская Федерация ратифицировала основные международно-правовые акты в области защиты прав человека, в частности: Конвенцию о защите прав человека и основных свобод с изменениями, внесенными Протоколами к ней № 3 от 06.05.1963; № 5 от 20.01.1966 и № 8 от 19.03.1985, дополнениями, содержащимися в Протоколе № 2 от 06.05.1963, и Протоколы к ней: № 1 от 20.03.1952, № 4 от 16.09.1963, № 7 от 22.11.1984, № 9 от

06.11.1990, № 10 от 25.03.1992, № 11 от 11.05.1994³, № 14 от 13.05.2004⁴; Европейскую конвенцию о запрещении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26.11.1987 и Протоколы к ней № 1 и № 2 от 04.11.1993⁵; Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств от 01.02.1995⁶; Европейскую хартию местного самоуправления от 15.10.1985⁷. Вместе с тем, как отмечают правоведы, именно Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет для России особое значение⁸.

Имплементация норм данного международного договора в национальную правовую систему повлекла внесение значительных изменений в российское законодательство, обусловила влияние международных норм на судебную практику и доктрину. Признание прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, включение последних в состав российской правовой системы, а также приоритет правил международного договора при возникновении коллизии с нормами национального законодательства были закреплены на конституционном уровне (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Что касается соотношения норм Конвенции с положениями Основного Закона, принципиальный подход к

* Павлушина Алла Александровна, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса; Блинова Екатерина Викторовна, магистрант. - Самарский государственный экономический университет. E-mail: pfo@ssee.ru.

разрешению данного вопроса был выработан Конституционным судом Российской Федерации (постановление от 30.11.2000 № 15-П). При возникновении коллизии конституционным нормам отдается приоритет, если они предусматривают более высокий стандарт гарантирования прав и свобод человека и гражданина, чем установленный в международных обязательствах России (в рассматриваемом случае - в положениях Конвенции)⁹.

Следует отметить, что осуществление международных обязательств за счет использования механизма "имплементации" (от англ. implementation - осуществление, проведение в жизнь, выполнение, реализация) предопределяется требованиями принципа добросовестного соблюдения международных обязательств, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, соответствующих им договоров и соглашений, международно-правовых обычаев и определенных решений межправительственных организаций¹⁰. Юридический термин "имплементация" прочно укоренился в доктрине международного права (как отечественной, так и зарубежной) и понимается как деятельность государства в лице его уполномоченных органов, направленная на реализацию обязательств, вытекающих из заключенных им международных договоров. В современной юридической литературе имплементацию норм международного права на внутригосударственном уровне предлагается рассматривать в узком и широком смысле¹¹. В первом случае данное понятие связывается с обязанностью государства предпринять меры по созданию и обеспечению правовых механизмов реализации норм международного права в национальном законодательстве. В широком же смысле имплементация охватывает меры не только правового, но и организационно-распорядительного характера, а также иные необходимые действия со стороны государства. При этом в данном процессе принимают непосредственное участие органы законодательной и исполнительной власти, а также задействованы органы судебной власти, правоохранительные органы и прокуратура.

В этом смысле имплементация норм Конвенции в российскую правовую систему предполагает внедрение европейских стандартов

прав человека в национальное материальное и процессуальное законодательство, использование данных стандартов в качестве ориентира корректировки правоприменительной деятельности на внутригосударственном уровне, принятие мер по организации механизма их учета, а также совершенствование доктрины по вопросам обеспечения прав и свобод человека¹².

Конвенция не только закрепила обязательства стран-участниц обеспечивать основные гражданские и политические права и свободы каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, но и учредила специальный контрольный механизм, призванный выявлять случаи нарушения принятых на себя обязательств - Европейский суд по правам человека. Уклонение от исполнения предписаний, выраженных в его постановлениях, может служить основанием для приостановления членства государства в Совете Европы или исключения из данной организации. Кроме того, при ратификации Конвенции Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения обязательной юрисдикцию Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения положений этих договорных актов¹³.

Таким образом, нормы данного регионального международного акта в сфере прав человека, отражающие "стандарты" последних, не только имплементированы в национальную правовую систему, но и обеспечены международным механизмом контроля за их соблюдением государствами-участниками в нормотворческой и правоприменительной деятельности на национальном уровне. Учитывая то обстоятельство, что к числу государственных органов, осуществляющих правоприменение, относятся и суды судебной системы Российской Федерации, влияние норм Конвенции на отправление правосудия в России представляется бесспорным. Вместе с тем не менее существенное воздействие на практику оказывает деятельность Европейского суда по правам человека.

Европейские стандарты, в том числе в сфере отправления правосудия, в силу специфики их формирования не являются статичным понятием. Часть из них получила нормативное закрепление в положениях Конвен-

ции. Тем не менее, их содержание с течением времени расширяется за счет практики толкования и применения Европейским судом конвенционных норм, что обеспечивает актуальность действия последних.

В целях определения значения правовых позиций Европейского суда для правоприменительной деятельности национальных судов оптимальным представляется использование предложенного в литературе термина “прецеденты толкования”¹⁴. Под ним понимается результат деятельности Европейского суда по уяснению для себя и разъяснению для других содержания права, гарантированного нормой Конвенции, формулированию ее смысла (“духа закона”) для единообразного применения к обстоятельствам конкретных дел во всех странах-участницах.

Вопрос определения правовой природы актов Европейского суда по правам человека, отражающих его позицию относительно толкования и применения Конвенции, тесно связан с дискуссией о возможности их включения в состав российской правовой системы. С точки зрения теории, судебные акты Европейского суда не являются нормативно-правовыми, а относятся к актам разъяснения или толкования правовых норм¹⁵. Это обстоятельство, на первый взгляд, вынуждает дать отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Тем не менее, в юридической литературе широко распространена противоположная позиция. Толкование международного договора уполномоченным на это органом рассматривается в качестве неотъемлемого элемента юридического содержания договорных норм, которые не могут применяться в отрыве или вопреки данному толкованию. В таком двойственном качестве – как акты казуального разрешения споров о соответствии действий российских национальных властей нормам Конвенции и как акты официального (нормативного) толкования последних – правоведы предлагают включать акты Европейского суда в состав правовой системы Российской Федерации¹⁶. Среди, в целом, сторонников данной позиции высказывается мнение, что такого рода акты можно рассматривать как элемент национальной правовой системы лишь в той степени, в какой они выражают общепризнанные принципы и нормы международного права¹⁷.

Представляется, что вопрос включения прецедентной практики Европейского суда в российскую правовую систему в большинстве случаев напрямую связывается с проблемой определения в ней места судебного прецедента как такового. В научной литературе нет однозначного мнения относительно возможности придания судебному прецеденту статуса источника российского права. Так, например, А.И. Ковлер, говоря о признании юрисдикции Европейского суда, отмечает: “...российской правовой доктриной судебный прецедент принят в качестве источника права”¹⁸. Т.Н. Нешатаева констатирует: “...в российской правовой системе, как и в любой континентальной системе права, в той или иной форме прецедент всегда существовал в качестве источника права”, например, “применение закона или права по аналогии”¹⁹. М.В. Кучин, признавая судебный прецедент источником права в России, вместе с тем утверждает: “Мы имеем в виду общую, принципиальную сторону рассматриваемого явления и далеки от мысли придавать ему безусловно-обязательную силу независимо от конкретных обстоятельств, в которых он применяется”²⁰. С другой стороны, констатируется отсутствие судебного прецедента в числе формально-юридических источников российского права. Сторонники этой позиции настаивают на том, что “какие бы основания для квалификации правила, содержащегося в судебном решении или обзорах высших судебных инстанций в качестве правовой нормы, ни представляла реально существующая практика, решающее слово в признании или непризнании прецедента источником права остается за законодателем”²¹. Также утверждается, что признание прецедентного права в правовой системе России может серьезно ослабить юридическую силу Конституции, закона, привести к их деформации посредством правоприменительной практики²².

На наш взгляд, вопрос реализации правовых позиций Европейского суда, отражающих прецедентное толкование конвенционных норм, в российском процессуальном законодательстве и правоприменительной практике следует рассматривать в несколько иной плоскости. Представляется, что значение указанных позиций международного суда для национальной правовой системы не зависит

от признания судебного прецедента формально-юридическим источником российского права. Как справедливо отмечает профессор Г.А. Жилин, решения Европейского суда, в которых сформулированы правила общего характера для разрешения типичных ситуаций, рассматриваются как “один из содержательных источников российского права, указывающих на основные направления его реформирования”²³.

Национальные суды в своей деятельности должны руководствоваться “духом закона”. Так, в отношении применения иностранных правовых норм арбитражным процессуальным законодательством предусмотрена обязанность суда установить их содержание в соответствии с официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ч. 1 ст. 14 АПК РФ). Представляется, что аналогичный подход к установлению содержания нормы права должен использоваться при реализации положений международных актов, признанных государством. В частности, Высший арбитражный суд Российской Федерации разъяснил, что в ходе применения норм международного договора суды должны осуществлять толкование “добросовестно, в контексте и в соответствии с объемом и целями” последнего, в порядке, определенном разд. 3 ч. 3 Венской конвенции о праве международных договоров²⁴. Указанная конвенция, в свою очередь, определяет, что для целей толкования договора контекст (помимо текста, включая преамбулу и приложения) охватывает, в том числе, любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора. Кроме того, наряду с контекстом учитывается последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования²⁵.

В судебных актах Европейского суда реализуется предоставленное ему Конвенцией полномочие по официальному толкованию ее положений. С формальной точки зрения, данный международный договор не распространяет силу судебного акта, принимаемого в отношении одного государства, на все страны-участницы. Вместе с тем системный анализ вышеупомянутых положений разд. 3 ч. 3 Венской конвенции о праве международных

договоров и ст. 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на наш взгляд, позволяет прийти к следующему выводу. Правовые позиции Европейского суда, вырабатываемые им в ходе рассмотрения конкретных дел, выражают согласованную волю участников Конвенции в отношении порядка толкования данного международного договора и протоколов к нему. При этом, как правомерно отмечается в литературе, понимание сущности и назначения конвенционных норм российскими судами (которые также осуществляют толкование применяемых ими правовых норм) уступает приоритету позиции Европейского суда²⁶. Последний, руководствуясь принципом верховенства права, решает все спорные вопросы, связанные как с толкованием “наднационального права”, так и с его применением²⁷.

Таким образом, практика Европейского суда по правам человека, содержащая толкование норм Конвенции, подлежит обязательному учету в правоприменительной деятельности российских судов независимо от страны, в отношении которой принято решение, и наличия или отсутствия у нее статуса формально-юридического источника. Такое понимание значения правовых позиций Европейского суда поддерживается высшими национальными судами. В частности, Конституционный суд Российской Федерации в своих актах неоднократно ссылался на примеры толкования конвенционных норм Европейским судом²⁸ и не только отмечал обязательный характер практики последнего, но и признал ее в качестве составной части российской правовой системы, подлежащей учету федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права²⁹. Верховный суд Российской Федерации разъяснил, что применение судами общей юрисдикции Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда “во избежание любого [ее] нарушения”³⁰. Высший арбитражный суд Российской Федерации рекомендовал арбитражным судам принимать во внимание при осуществлении правосудия положения, сформулированные Европейским судом и направленные на защиту имущественных прав и права на правосудие³¹.

Можно констатировать, что, несмотря на дискуссионность многих вопросов реализации конвенционных норм в российской правовой системе, в современной юридической науке формулируемые Европейским судом прецеденты толкования конвенционных норм рассматриваются в качестве неких ориентиров для российской правоприменительной и судебной практики, которые позволяют избежать или, по крайней мере, сократить число нарушений прав и свобод граждан. В частности, такими ориентирами выступают стандарты отправления правосудия, сложившиеся в результате толкования Европейским судом положений ст. 6 Конвенции, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство.

¹ См.: *Доронина О.Н., Калинин В.А.* Влияние европейских стандартов в области прав человека на российское законодательство и правоприменительную практику // *Адвокатская практика.* 2008. □ 1. С. 21.

² См.: *Шарапова Г.И.* К вопросу о юрисдикции Европейского суда // *Вестн. ВАС РФ.* 1998. □ 4. С. 65.

³ Федеральный закон от 30.03.1998 □ 54-ФЗ // *СЗ РФ.* 1998. □ 20. Ст. 2143.

⁴ Федеральный закон от 04.02.2010 □ 5-ФЗ // *СЗ РФ.* 2010. □ 6. Ст. 567.

⁵ Федеральный закон от 28.03.1998 □ 44-ФЗ // *СЗ РФ.* 1998. □ 13. Ст. 1466.

⁶ Федеральный закон от 18.06.1998 □ 84-ФЗ // *СЗ РФ.* 1998. □ 25. Ст. 2833.

⁷ Федеральный закон от 11.04.1998 □ 55-ФЗ // *СЗ РФ.* 1998. □ 15. Ст. 1695.

⁸ См., например: *Жуйков Д.М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 3; Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации *В.Д. Зорькина* // *Рос. судья.* 2009. □ 1. С. 21.

⁹ См., например: *Бондарь Н.С.* Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // *Журн. рос. права.* 2006. □ 6. С. 117.

¹⁰ См.: *Тиунов О.И.* Принцип добросовестного соблюдения международных обязательств // *Международное право и национальное законодательство.* М., 2009. С. 208.

¹¹ См.: *Каширкина А.А.* Имплементация международно-правовых принципов и норм в национальное законодательство // *Международное право и национальное законодательство.* М., 2009. С. 109, 111; *Тиунов О.И.* Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской пра-

вовой системе // *Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации* : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 172.

¹² *Павлушина А.А., Беляев Ю.В.* Международная процессуальная форма защиты прав человека // *Вестн. Самар. гос. экон. ун-та.* Самара, 2006. □ 4 (22). С. 199.

¹³ См. ст.1 федерального закона от 30.03.1998 □ 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней” (СЗ РФ. 1998. □ 14. Ст. 1514).

¹⁴ См., например: *Ершов В.В., Ершова ЕЛ.* Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // *Теоретические и практические проблемы правоприменения европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод* : пособие для судей. М., 2006. С. 39; *Пацация М.Ш.* Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // *Законодательство и экономика.* 2006. □ 3. С. 70.

¹⁵ См., например: *Марченко М.Н.* Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 512.

¹⁶ См., например: *Бондарь Н.С.* Указ. соч. С. 116.

¹⁷ См.: *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России в европейском правовом поле // *Журн. рос. права.* 2005. □ 3. С. 4.

¹⁸ См.: *Ковлер А.И.* Европейское право прав человека и Конституция России // *Журн. рос. права.* 2004. □ 1. С. 155.

¹⁹ См.: *Нешатаева Т.Н.* Международный гражданский процесс : учеб. пособие. М., 2001. С. 65.

²⁰ См.: *Кучин М.В.* Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) // *Рос. юрид. журн.* 1999. □ 4. С. 77-78.

²¹ См.: *Канашевский В.А.* Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // *Журн. рос. права.* 2003. □ 4. С. 125.

²² См.: *Витрук Н.В.* О некоторых особенностях использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации и иных судов // *Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия* : сб. ст. / отв. ред. В.В. Ершов, Н.А. Тузов. М., 2008. С. 545-553.

²³ См.: *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 346-353.

²⁴ См. п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.06.1999 □ 8 “О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса” (Вестник ВАС РФ. 1999. □ 8).

²⁵ См. п. “а” ч. 2, п. “б” ч. 3 ст. 31 Венской Конвенции о праве международных договоров (зак-

лючена в Вене 23.05.1969) (Ведомости ВС СССР. 10.09.1986. □ 37. Ст. 772).

²⁶ См., например: *Нешатаева Т.Н.* О компетенции Европейского Суда по правам человека в отношении имущественных прав // Вестн. ВАС РФ. 1999. □ 4. С. 96.

²⁷ См.: *Марченко М.Н.* Верховенство права Европейского союза по отношению к национальному праву государств-членов // Журн. рос. права. 2009. □ 5. С. 124.

²⁸ См., например: п. 2 постановления от 25.03.2008 □ 6-П “По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Товарищество застройщиков”, открытого акционерного общества “Нижнекамскнефтехим” и открытого акционерного общества “ТНК-ВР Холдинг” (СЗ РФ. 2008. □ 13. Ст. 1352); п. 3 постановления от 16.06.2009 □ 9-П “По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова” (СЗ РФ. 2009. □ 27. Ст. 3382); п. 2 определения от 21.10.2008 □ 719-0-0 “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дубовицкой Тамары Петровны, Касина Василия Ива-

новича и других на нарушение, их конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации” (доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”).

²⁹ См. п. 2.1 постановления от 05.02.2007 □ 2-П “По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388, 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамскнефтехим” и “Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан” (СЗ РФ. 2007. □ 7. Ст. 932).

³⁰ См. п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 □ 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” (Российская газета. □ 244. 02.12.2003); подп. “в” п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 □ 23 “О судебном решении” (Российская газета. □ 260. 26.12.2003).

³¹ См.: Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.12.1999 □ С1-7/СМП-1341 “Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие” // Вестн. ВАС РФ. 2000. □ 2.

Поступила в редакцию 04.05.2012 г.